И. Л. Андреев, Д. Д. Тумаркин

ОБЩИННЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ ОКЕАНИИ *

Традиционные общинные структуры до сих пор играют важную роль в жизни островитян Океании. Но под влиянием товарно-денежной экономики и других аспектов «вестернизации» эти структуры постепенно перерождаются и распадаются. Неминуемо встает вопрос: что придет им на смену? Этот вопрос приобретает особую остроту в связи с тем, что подавляющее большинство коренного населения Океании живет в деревнях и занимается сельским хозяйством.

Дальнейшее развитие в океанийской деревне может идти в двух основных направлениях: по пути внедрения частных фермерских хозяйств или по пути использования коллективных методов ведения сельского хозяйства, главным образом кооперации.

Нам представляется, что насаждение частного землевладения и землепользования может принести неисчислимые бедствия основной массе сегодняшних общинников, ибо такое развитие неизбежно ведет к углубляющемуся социально-экономическому расслоению с выделением, с одной стороны, богатого меньшинства, а с другой — огромного большинства безземельных или имеющих маленькие нерентабельные участки крестьян, эксплуатируемых сельскими и городскими ну воришами. Более того, если раньше в промышленно развитых капиталистических государствах разложение крестьянства сопровождалось превращением оставшихся без земли крестьян в наемных рабочих и сравнительно быстрым ростом класса сельских капиталистов, то теперь в развивающихся странах разорение крестьянства намного обгоняет процесс становления капиталистических экономических форм. Основная масса крестьянства пауперизируется, не превращаясь в пролетариат. В то же время число зажиточных крестьян растет замедленными темпами, и они отнюдь не всегда становятся капиталистическими предпринимателями [1].

Следует также учитывать, что, как показывает накопленный опыт, индивидуализация земельных владений на островах Океании сама по себе не ведет к увеличению производительности труда, а иногда даже вызывает падение продуктивности сельского хозяйства [2]. Мы уже не говорим о том, что мелкие частные крестьянские хозяйства не в состо-

---

* В основу статьи положен доклад, представленный авторами на XIII Тихоокеанский научный конгресс (Ванкувер, 1975 г.).

[1] См. К. Варенцов, Ю. Иванов, Специфика развития капитализма в сельском хозяйстве «третьего мира», «Международная экономика и международные отношения», 1974, № 7, стр. 113.

[2] R. G. Crocombe (ed.), Land tenure in the Pacific, Melbourne, 1971, p. 376—380.

нии сколько-нибудь эффективно использовать достижения быстро развертывающейся в наши дни научно-технической революции [3].

Непригодность западных моделей развития сельского хозяйства для коренного населения Океании признает все большее число исследователей, работающих в этом регионе. Так, известный австралийский экономист Э. К. Фиск в недавно опубликованной статье критикует тех «экономических планировщиков», которые единственными приемлемыми аграрными институтами считают крупные капиталистические корпорации и мелкие частные хозяйства, а традиционную социальную организацию островитян Океании третируют как низшую и примитивную, как препятствие к развитию, признавая на деле лишь капиталистическое развитие [4]. Фиск отмечает, что в Индии и некоторых других азиатских странах, где длительное время отчуждаемые земельные владения были основой сельскохозяйственного производства, сложилась «обширная система лэндлордов и арендаторов, при которой мелкий индивидуальный фермер утрачивает право на землю и превращается либо в арендатора, либо в безземельного батрака и большая часть плодов развития достается немногим богатым землевладельцам» [5]. Он предупреждает также, что подражание западным моделям приведет к усилению господства в экономике иностранного капитала [6].

Э. К. Фиск справедливо призывает рассматривать традиционные формы социальной организации океанийцев «в качестве фундамента, на котором должно быть во многом основано сельское развитие», а не в качестве «завала, который должен быть расчищен, прежде чем можно будет начать строительство» [7]. Но каковы же его практические рекомендации?

Фиск считает целесообразным предоставлять островитянам не «отчуждаемую и могущую быть заложенной земельную собственность», а «индивидуальный и наследственный узуфрукт», который «лучше совместим с туземными системами земельных прав, существующими во многих странах Океании» [8]. Но при этом он рекомендует ввести некоторую степень регламентации и контроля, которая позволила бы стоящей над фермерами организации обеспечить их рядом преимуществ, присущих крупным сельскохозяйственным предприятиям. «Такие преимущества,— пишет он,— включают массовую закупку импортируемых товаров, высококачественную технологию и управление, эффективную первичную переработку, транспортировку и сбыт продукции, а также обеспечение эффективности и своевременности различных земледельческих операций» [9].

Предложения Фиска станут более ясными, если рассмотреть конкретные примеры, которые он считает достойными подражания. Фиск обнаружил два таких примера в Океании — на Новой Британии и на Фиджи.

В первом случае австралийская администрация Папуа Новой Гвинеи в партнерстве с крупной британской компанией создала в районе мыса Хоскинс комплекс по выращиванию и переработке плодов масличной пальмы. Комплекс включает маслоэкстракционное предприятие и крупную плантацию, принадлежащие этой корпорации, а также расположенные по соседству мелкие участки, предоставленные переселенным сюда фермерам-меланезийцам. Последние финансируются и об-

[3] См. В. Растянников, Проблемы капиталистического развития в деревне современного Востока, «Международная экономика и международные отношения», 1974, № 5, стр. 172—175.

[4] E. K. Fisk, Rural development, «New Guinea», vol. 9, № 1, 1974, p. 52—57.

[5] Там же, стр. 58, 59.

[6] Там же, стр. 52, 53.

[7] Там же, стр. 51, 53.

[8] Там же, стр. 59, 60.

[9] Там же, стр. 59.

служиваются этой корпорацией, которая регламентирует их деятельность и скупает всю их продукцию. В качестве примера другого варианта отстаиваемой им «стратегии координации» Фиск приводит систему экономических связей в сахарной промышленности Фиджи — между земледельцами (в большинстве своем индийцами-арендаторами) и монополистической сахаропроизводящей компанией, которая до 1973 г. была филиалом крупной австралийской корпорации, а теперь контролируется государством.

Как видим, Фиск фактически предлагает подчинить в океанийском земледелии мелкотоварный уклад государственно-капиталистическому. Мы не усматриваем в этой модели какой-либо связи с «туземными системами земельных прав». Предложения Фиска в какой-то мере смыкаются с рассуждениями австралийского экономиста Дж. Лэнгмора о желательности для Папуа Новой Гвинеи «смешанной капиталистической» системы, сочетающей частное предпринимательство с государственным участием в экономике и государственным программированием ее развития. «Подходящая экономическая система,— пишет он,— должна включать в рамках смешанной капиталистической институционной структуры экономическое развитие на деревенском уровне и предприятия, которыми владеют и управляют маленькие группы новогвинейцев» [10].

Проекты, подобные комплексу на мысе Хоскинс, могут быть экономически эффективными и способствовать некоторому повышению уровня жизни вовлеченных в них островитян, до того занимавшихся потребительским земледелием в рамках традиционных общинных структур. Но такие проекты едва ли приемлемы в социальном отношении, если иметь в виду долговременную перспективу, ибо «стратегия координации» и сходные с ней модели развития могут несколько смягчить и модифицировать, но отнюдь не устранить глубокие противоречия и отрицательные социальные последствия, присущие «классическим» моделям развития капитализма в сельском хозяйстве. Об этом, кстати, свидетельствует и фиджийский опыт, на который пытался опереться Фиск. Ведь хорошо известно, что отношения в фиджийской сахарной индустрии в течение многих лет характеризовались большой социальной напряженностью, нередко перераставшей в острые классовые конфликты [11].

Проблемы эволюции традиционных социально-экономических структур и аграрных реформ на тихоокеанских островах подробно рассматриваются в работах Р. Г. Крокомба, одного из ведущих специалистов по этой проблематике. Он убедительно показывает, что введение частной собственности на землю и насаждение индивидуальных хозяйств сами по себе не способны обеспечить подъем продуктивности земледелия, что система частной земельной собственности и земельной аренды может иметь самые отрицательные социальные последствия для океанийского крестьянства. Крокомб критикует ряд аспектов деятельности колониальных держав в Океании, политику неоколониализма, отмечает наличие глубоко укоренившегося неравенства в социальных структурах некоторых океанийских стран, в частности Тонга, мешающих их прогрессивному развитию [12].

---

[10] J. Langmore, Niugini: capitalist or socialist?, «The Journal of the Papua and New Guinea Society», vol. 4, № 1, 1970, p. 71.

[11] См.: J. W. Coulter, The drama of Fiji, Melbourne — Sydney, 1967, p. 114—119; A. Ali, A review of E. K. Fisk, The political economy of independent Fiji, Canberra, 1970, «The Journal of Pacific History», vol. 6, 1971; B Norton, Politics in Fiji, «New Guinea», vol. 8, № 2, 1973.

[12] См., например: R. G. Crocombe, Australian and New Guinean interests in the New Guinea economy, в кн.: F. S. Stevens (ed.) Racism: the Australian experience, vol. 3, Sydney, 1972; его же, The new Pacific, Canberra, 1973.

Подчеркивая экономические преимущества крупных хозяйств перед мелкими, Крокомб выражает мнение, что в недалеком будущем «основная масса сельскохозяйственной продукции, поступающей из Океании, будет производиться крупными плантациями, находящимися в собственности и под управлением островитян, будь то компании, индивиды, кооперативы или правительственные предприятия»[13]. Но, как отмечает он, прямой переход от потребительского земледелия, основанного на традиционных социально-экономических структурах, к высокотоварным хозяйствам указанных типов едва ли возможен. Нужен промежуточный этап, когда основную роль будут играть различные формы группового землевладения переходного типа. Ту или иную форму такого землевладения можно встретить на многих островах, «даже там, где правительства его игнорируют или пытаются заменить индивидуальным землевладением»[14].

«Если бы были признаны два уровня прав на землю,— пишет Крокомб, развивая свою концепцию переходного периода,— группа удерживала бы верховные права и действовала бы в качестве пула, откуда удовлетворялись бы новые нужды и куда возвращались бы земли уехавших и тех умерших, у кого не осталось тут наследников. Что же касается индивида, то он получал бы от группы участок, который нельзя было бы отобрать до тех пор, пока он или его наследники надлежащим образом пользуются землей. Группа забирала бы обратно землю, если бы ею не пользовались в течение трех лет»[15].

Мы согласны с мнением Р. Г. Крокомба о необходимости промежуточного этапа, призванного облегчить в социально-психологическом отношении переход общинного крестьянства к новым, существенно иным формам собственности, производства и распределения, хотя, как будет показано ниже, мы несколько иначе понимаем сущность и задачи этого периода. В известных нам работах Крокомба нет развернутого анализа долгосрочных перспектив социально-экономического развития народов Океании. Но его концепция промежуточного этапа в развитии традиционных океанийских обществ, по-видимому, подразумевает социальные изменения в направлении смешанной капиталистической экономики.

Нам же представляется более перспективным развитие коллективных форм землевладения и землепользования, прежде всего сельскохозяйственной кооперации. Если такая стратегия развития будет должным образом учитывать и использовать традиционные общинные структуры, а также будет сопровождаться широкими демократическими реформами в других областях жизни, она сможет существенно поднять продуктивность сельского хозяйства (что очень важно, ибо население большинства океанийских стран, по прогнозам, удвоится за ближайшие 30 лет), причем осуществит это в социальных формах, наиболее благоприятных для основной массы сегодняшних общинников[16]. Не случайно один из виднейших государственных деятелей Папуа Новой Гвинеи, Дж. Гайз, еще в 1965 г. подчеркивал, что для социально-экономического прогресса его страны «жизненно важное значение имеет как можно более быстрое распространение кооперативного движения во всех частях Папуа Новой Гвинеи»[17].

Идеи сельскохозяйственной кооперации близки и понятны общинному крестьянству Океании, ибо во многом созвучны традиционным нор-

---

[13] R. G. Crocombe, Improving land tenure, Noumea, 1968, p. 89.
[14] R. G. Crocombe (ed.), Указ. раб., стр. 383.
[15] Там же, стр. 385.
[16] О роли сельскохозяйственной кооперации в преодолении отсталости и прогрессивном развитии стран «третьего мира» см.: И. О. Фаризов, Сельскохозяйственная кооперация в развивающихся странах, М., 1973.
[17] J. Guise, Blueprint for a future, «New Guinea», vol. 1, № 2, 1965, p. 12.

мам организации труда и распределения продукции[18]. Кооперативное движение в этом регионе имеет уже довольно длительную историю. Значение протокооперативов, создававшихся островитянами во второй половине XIX — начале XX в., выходит за рамки экономики. Как одну из форм протеста против иностранного господства, их обычно встречали в штыки белые торговцы и плантаторы, а нередко подавляли колониальные власти[19]. Кооперативное движение в Папуа Новой Гвинее началось стихийно в годы второй мировой войны. В 1947 г. его существование было признано австралийскими властями, решившими взять в свои руки руководство этим движением[20]. В послевоенный период сельскохозяйственная кооперация получила значительное развитие на большинстве тихоокеанских территорий, причем в Меланезии она в ряде случаев переплелась с религиозными и политическими движениями, имеющими антиколониальную направленность[21].

Сельскохозяйственная кооперация в Океании имеет значительные достижения, которые не следует недооценивать. Они проявились более всего в снабженческо-сбытовой сфере и отчасти в области первичной переработки продукции, но известны также примеры успешно действующих производственных кооперативов[22]. Посетив в 1971 г. ряд океанийских территорий, один из авторов этой статьи[23] убедился в том, какую большую роль кооперативные общества играют в жизни островитян. Так, на острове Эфате (Новые Гебриды), атоллах Фунафути (острова Тувалу) и Бутаритари (острова Гилберта) местные жители говорили, что благодаря кооперативам уменьшились «ножницы цен» между продаваемой ими сельскохозяйственной продукцией и приобретаемыми товарами, что кооперативы помогают сбывать туристам и за границу ремесленные изделия, что участие в кооперативном движении развивает инициативу, укрепляет уверенность в своих силах, позволяет приобретать ценные деловые навыки. Хорошо известно, что из рядов кооператоров вышли многие известные государственные и политические деятели современной Океании. Специалист по кооперативному движению в Океании Р. Х. Бойен справедливо подчеркивал в 1963 г. важную роль кооперативов «в подготовке народов Тихого океана к самоопределению»[24].

Но в истории сельскохозяйственной кооперации на островах Океании известно и немало неудач. Они объясняются целым рядом причин, в большинстве своем лежащих за пределами кооперативного движения: недостаточной помощью кооперативам со стороны властей, слабой теоретической разработкой проблем кооперирования (особенно путей перехода от традиционных общинных структур к современным кооперативам), ошибками, допущенными при составлении и проведении в

[18] M. Vuruya, Co-operative development and problems in Fiji, «Year Book of Agricultural Co-operation 1966», Oxford, 1966; J. I. Abbil, Le développement des coopératives aux Nouvelles-Hébrides, «Bulletin du Pacific Sud», vol. 20, № 2, 1970.

[19] A. D. Couper, Protest movements and proto-cooperatives in the Pacific Islands, «The Journal of the Polynesian Society», vol. 77, № 3, 1968; N. Viviani, Nauru. Phosphate and political progress, Canberra, 1970, p. 61, 62. Жестоко страдая от действий иностранных торговцев, обманывавших и эксплуатировавших коренное население, островитяне пытались создавать свои собственные «торговые компании». Эти «неформальные» объединения, опирающиеся на местные коллективистские традиции, А. Каупер предложил называть протокооперативами.

[20] H. H. Jackman, Co-operatives, «Encyclopaedia of Papua and New Guinea», vol. I, Melbourne, 1972.

[21] См.: П. Уорсли, Когда вострубит труба. Исследование культов Карго в Меланезии, М., 1963; R. F. Maher, New men of Papua, Madison, 1961; W. Davenport, G. Cooker, The Moro movement on Guadalcanal, «The Journal of the Polynesian Society», vol. 76, № 2, 1967.

[22] R. G. Crocombe, Improving land tenure, p. 69.

[23] Д. Д. Тумаркин, По островам Океании, «Сов. этнография», 1972, № 2.

[24] R. H. Boyan, Co-operation in the South Pacific, «Year Book of Agricultural Co-operation 1963», Oxford, 1963.

жизнь кооперативных программ, острой нехваткой обученных кадров кооператоров, серьезными изъянами в законодательстве, отсутствием необходимой инфраструктуры, неблагоприятным положением на внешних рынках и т. д.[25] Эти неудачи не могли не отразиться на престиже кооперативного движения Океании. «В 60-х годах наблюдалось некоторое разочарование в кооперативах,— пишет Р. Г. Крокомб,— так как многие люди раньше связывали с их деятельностью слишком большие надежды»[26].

При оценке роли и перспектив сельскохозяйственной кооперации на островах Океании следует, на наш взгляд, учитывать, что сходные затруднения проявляются во многих развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, причем порождаются они в основном теми же факторами[27]. В конце 60 — начале 70-х годов в США и Западной Европе было опубликовано несколько книг, фактически ставящих под сомнение роль сельскохозяйственной кооперации в развитии стран «третьего мира». Эти работы были подвергнуты критике рядом авторитетных западных специалистов. Так, известная деятельница Международного кооперативного альянса американка Леонора Стетнер писала, что в этих книгах проявилась тенденция уделять основное внимание неудачам и игнорировать успехи, что их авторы склонны возлагать на кооперативное движение ответственность за то, что в действительности находится вне его компетенции, и главное, фактически не предлагают сколько-нибудь приемлемой альтернативы сельскохозяйственной кооперации[28]. А другой известный деятель Международного кооперативного альянса, член британского парламента Берт Орэм, заявил: «Кооперативы иногда обвиняют в неудаче тогда, когда им не было дано шанса на успех. Если их высаживают в неплодородную почву, их нельзя осуждать за то, что они не растут»[29].

В ходе развернувшейся дискуссии назывались многие необходимые условия эффективности сельскохозяйственной кооперации в развивающихся странах и конкретные прагматические обстоятельства, способствующие успеху или неудаче кооперативных программ[30]. При этом ряд ученых справедливо подчеркивал важность глубоких научных исследований и разработки методологических проблем кооперативного движения в развивающихся странах.

Несомненный интерес представляют соображения, высказанные известным британским специалистом по проблемам экономического развития стран «третьего мира» Гаем Хантером. Отметив, что в течение долгого времени в разработке всякого рода моделей и конкретных программ развития доминировали западные экономисты, для которых часто характерен «удивительно неисторический» подход к традиционным обществам, он призвал к проведению комплексных междисциплинарных научных исследований с участием антропологов (этнографов)[31]. К этому следовало бы, на наш взгляд, добавить, что необходимо в максимально возможной степени привлекать к проведению та-

[25] См., например: M. Vuruya, Указ. раб., стр. 257; D. Pitt, Tradition and economic progress in Samoa, Oxford, 1970; R. McSwain, Custom, kin and co-operatives. «The Journal of the Papua and New Guinea Society», vol. 4, № 1, 1970.

[26] R. G. Crocombe, The new Pacific, p. 27.

[27] G. Hunter, Methods of rural development, «The Journal of Administration Overseas», vol. IX, № 4, p. 241; N. J. Neviger, Prerequisites for the development of agricultural co-operatives in the developing countries, «Year Book of Agricultural Co-operation 1973», Oxford, 1973.

[28] L. Stettner, Co-operation and egalitarianism in the developing countries, «Review of International Co-operation», vol. 66, № 6, 1973.

[29] B. Oram, The co-operative development decade, «Review of International Co-operation», vol. 66, № 3, 1973.

[30] G. Hunter, Methods of rural development, p. 241—245; его же, Agricultural co-operatives — tradition and modernization, «The Journal of the Administration Overseas», vol. XI, № 3, 1972, p. 194—196; N. J. Newiger, Указ. раб.

[31] G. Hunter, Agricultural co-operatives..., p. 196.

ких исследований и выработке практических рекомендаций ученых-обществоведов и других представителей интеллигенции, принадлежащих к коренному населению соответствующих стран.

Напомнив, что за более чем двадцатилетний период широкого экспериментирования накоплен огромный фактический материал, касающийся тысяч конкретных кооперативных проектов, что одни и те же ошибки повторяются в сходных обстоятельствах на разных континентах, Хантер выразил справедливое сожаление, что «эта совокупность опыта не была адекватно проанализирована и не превратилась в совокупность принципов широкого применения, которые обусловили бы по крайней мере prima facie, формулирование приемлемых критериев для выбора. Директор сельскохозяйственного департамента или консультант, сталкиваясь в широких масштабах с проблемой развития мелкого крестьянства, не может вникать в эти принципы. Ему, конечно, известно кое-что и, возможно, даже многое из накопленного опыта, но неясно, что из этого опыта можно применить. Если какой-то метод оказался неудачным в Танзании, каковы шансы, что он провалится в Таиланде? Какие факторы при сравнении являются определяющими, а какие несущественными? Беда отчасти заключается в том, что этот опыт не был достаточно широко обобщен, особенно на межконтинентальном уровне»[32]. Возвращаясь к обсуждению данного вопроса в другой своей статье, Хантер снова подчеркнул нетерпимость того, что «масса сырого материала никогда не была изучена в свете общих гипотез... тем более не была подвергнута анализу, учитывающему взаимосвязь технических, экономических и социальных факторов. И если, как я полагаю, пока еще нет достаточно надежных, тонко разработанных подходов к этой проблеме, то уже сегодня можно избежать наиболее грубых ошибок и развеять некоторые из наиболее неприемлемых мифов»[33].

Не претендуя на сколько-нибудь полное рассмотрение поднятых Хантером методологических проблем, мы хотели бы затронуть лишь отдельные вопросы, наиболее близко касающиеся темы нашей статьи. Начнем с проблемы возможностей и границ сравнительного анализа и, следовательно, использования исторического опыта в кооперативном движении.

Мы исходим из признания того, что в поведении людей и классов, в их отношении друг к другу действуют общие закономерности. Последние объективны, т. е. независимы от воли и сознания как участников данных событий, так и других индивидов, групп, классов. Люди не могут ни создать, ни отменить законы общественного развития. Но именно в результате деятельности людей складываются объективные предпосылки и условия, благоприятные для действия одних закономерностей и губительные для других. Учет этого обстоятельства необходим для понимания внутренней противоречивости социальных процессов, для их прогнозирования и регулирования.

На сходном уровне производительных сил и при однотипности социально-экономических условий деятельности людей присущи в принципе близкие, сопоставимые мотивы, стимулы, стереотипы поведения, традиции, ценностные ориентации, независимо от того, где они живут — в тундре или в пустыне, в тайге или в джунглях, на заснеженном побережье Ледовитого океана или на тропических островах южных морей. Особенно рельефно это прослеживается при рассмотрении таких застойных социально-экономических форм, как традиционные общинные структуры.

Но в «чистом» виде общие закономерности общественного развития существуют только в учебниках. Действуя в многообразных условиях,

---

[32] G. Hunter, Methods of rural development, p. 241.
[33] G. Hunter, Agricultural co-operatives..., p. 195—196.

они «впитывают» в себя особенности субъектов исторического действия, специфику окружающей социальной и природной среды. Эту сплавленность общесоциологических закономерностей и разнообразнейших ситуаций их проявления отражает понятие диалектики единства и многообразия исторического развития.

Отсюда вытекают два принципиальных положения. Во-первых, возможны сравнительный анализ и использование на островах Океании опыта кооперативного движения, накопленного как в Танзании и некоторых других странах Тропической Африки, так и на национальных окраинах СССР (Север и Дальний Восток, Средняя Азия и Казахстан), где живут народы, которые к началу аграрных преобразований находились на сходных ступенях социально-экономического развития и даже имели сопоставимые общинные структуры. Во-вторых, этот опыт следует анализировать в логическом обособлении от многих частностей и деталей, как соотношение определенных объективных тенденций, и заимствовать не механически, а творчески, с должным учетом сущности современной эпохи мирового развития, социально-политической обстановки в той или иной стране, неповторимых черт ее природы, истории и культуры, этнической и демографической структуры населения, степени и тенденций разложения местных общинных структур. При этом важное значение приобретает уточнение критериев методологически правомерных границ аналогии и выработка логических методов повышения достоверности получаемых эвристических результатов [34].

В связи с этим необходимо рассеять довольно распространенное заблуждение, которое встречается и в некоторых статьях, касающихся перспектив социально-экономического развития народов Океании [35]. Авторы этих статей сводят советский опыт аграрных реформ, включая кооперирование крестьянства, к преобразованиям, осуществленным в тех районах СССР, где до Октябрьской революции 1917 г. в деревне господствовали капиталистические отношения и наблюдалось глубокое социальное расслоение, да еще нередко тенденциозно изображают ход и результаты этих преобразований. Между тем у народов Средней Азии и Казахстана до начала аграрных реформ преобладали докапиталистические патриархально-феодальные отношения с сохранением общинных структур и многих элементов родо-племенной организации, а у малых народов побережья Ледовитого и Тихого океанов, находившихся на разных стадиях перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, очень важную роль играли коллективные формы собственности, труда и распределения. Эти глубокие различия были учтены при проведении аграрных преобразований [36].

Другая проблема, которую нам хотелось бы затронуть, касается преемственности между традиционными общинными структурами и современными сельскохозяйственными кооперативами. В понимании этой проблемы проявляются две крайности. С одной стороны, существуют концепции «силового» разрушения общины, трактуемой лишь в качестве источника отсталости и препятствия на пути интенсификации сельского хозяйства и его развития на кооперативных началах. С другой стороны, распространены иллюзии народнического толка, согласно которым традиционная община может стать основой современного кооперативного движения и даже является чуть ли не готовой ячейкой социализма. Эти два подхода особенно наглядно прослеживаются в программах развития и научных исследованиях, касающихся Тропиче-

[34] И. Л. Андреев, Общинные структуры и некапиталистический путь развития, Владимир, 1973, стр. 30—38.

[35] См., например, J. Langmore, Указ. раб.

[36] И. Л. Андреев, Общинные структуры и некапиталистический путь развития, стр. 45—65, 201—235 (см. здесь литературу вопроса).

ской Африки[37], но их можно в какой-то мере обнаружить и в литературе, посвященной перспективам социально-экономического развития народов Океании. Обе эти крайности представляются нам неправомерными как в научном, так и в политическом отношениях.

Ключ к пониманию диалектической сущности общинных структур, их дальнейших судеб и в частности возможности их использования при аграрных преобразованиях заключен в дуализме общины, методологические основы исследования которого были заложены К. Марксом[38]. Этот дуализм пронизывает механизмы социальной и экономической консолидации общинного крестьянства, отражается в его идеологии. Крестьянская община «соткана» из противоречий: с одной стороны, ей присущи древние традиции коллективизма и взаимопомощи, стихийного демократизма в решении общественных дел, коллективной собственности на землю и крупные орудия труда (во всяком случае — неразвитость частнособственнической идеологии); с другой стороны, для нее обычно характерна та или иная степень имущественного и социального расслоения, а ее традиционные институты постепенно трансформируются в средство эксплуатации рядовых общинников. Поэтому стратегия кооперирования должна предусматривать использование таких общинных традиций, как коллективизм и демократизм (с постепенным наполнением их новым содержанием), и вместе с тем блокирование негативных тенденций общинных структур, объективно препятствующих прогрессивным социальным преобразованиям.

Мы хотели бы особо подчеркнуть, что использование общинных форм и традиций в кооперативном движении — отнюдь не идеал, а метод, к которому прибегают в переходный период, чтобы «смягчить» в социально-психологическом отношении вступление общинного крестьянства в новую для него историческую эпоху. Поэтому одновременно необходимо предусматривать действенные меры для защиты рядовых членов кооперативов от угнетения как со стороны новых эксплуататорских элементов, так и со стороны традиционной верхушки, бороться с тенденцией переноса в кооператив семейственности и межклановых трений. Стратегия кооперирования должна включать также всемерное стимулирование творческой активности общинников с целью постепенного преодоления статичных форм мышления и соответствующих поведенческих стереотипов. Исторический опыт свидетельствует, что к важнейшим условиям успеха относится также строгое соблюдение принципа добровольности, постепенность и своевременность в осуществлении кооперативных программ. Не следует, в частности, пытаться переходить от первичных к более высоким и развитым формам кооперативов до того, как будут созданы необходимые материальные и социально-психологические предпосылки.

Успешность процесса сельскохозяйственной кооперации в развивающихся странах во многом зависит от степени выявления и учета особенностей местных общинных структур. Нам представляется, что их объективные свойства и тенденции, а также степень разложения необходимо принимать во внимание при выборе начальных форм, направления и темпов кооперативного движения. Один из авторов этой статьи[39] предложил выделять два основных типа таких структур — патриархально-общинные и парцелльно-общинные.

Для патриархально-общинного крестьянства характерно преимущественно автаркическое потребительское сельское хозяйство с использованием архаических орудий и методов, тогда как парцелльно-общин-

---

[37] И. Л. Андреев, Некапиталистический путь развития (опыт философско-социологического анализа), М., 1974, стр. 67, 68, 170—175.

[38] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 414—421.

[39] И. Л. Андреев, Общинные структуры и некапиталистический путь развития, стр. 63—65, 199—201, 284, 285.

ное крестьянство в основном занимается выращиванием товарных культур, чаще всего на экспорт, и нередко применяет несколько более современные орудия и агрономические приемы. В первом случае относительно преобладают коллективные, групповые формы собственности, труда и распределения продукции, а во втором более важную роль играют индивидуальные хозяйства и идет процесс формирования частной собственности на основные средства производства (землю, воду, скот, плодовые деревья). В рамках патриархально-общинных структур авторитет традиционных вождей, «больших людей» и старейшин (распоряжение людьми) служит основанием для распоряжения пастбищами, водой, свободным земельным фондом. Напротив, в парцелльно-общинных структурах формирующаяся частная собственность на главные средства производства служит важной предпосылкой власти над людьми. В рамках структур последнего типа община зачастую постепенно перерождается в оболочку формально-добровольной зависимости бедняков и середняков от традиционных вождей и новых эксплуататорских элементов

Как показывает исторический опыт, кооперирование патриархально-общинного крестьянства предполагает интеграцию прежде всего трудовых усилий. Кооперативы первоначально возникают в виде простейших производственных объединений, генетически вырастающих из традиционных бытовых производственных коллективов, хотя нередко берут на себя и некоторые кредитно-сбытовые функции. В сфере общественного сознания эта тенденция опирается на традиции коллективизма и вековые навыки коренного населения в сфере организации совместного труда.

Кооперирование парцелльно-общинного крестьянства обычно начинается с первичных форм совместного сбыта, снабжения, кредита, взаимопомощи, а иногда и первичной переработки продукции, и только позднее, когда складываются необходимые предпосылки, осуществляется объединение средств производства (земли, сложных орудий и т. д.). Словом, там, где получил более или менее значительное развитие мелкотоварный уклад, на первый план вначале выступает снабженческо-сбытовая сторона кооперации. Политическая направленность такого рода преобразований нередко имеет в качестве одной из основных целей ограничение и государственное регулирование стихии мелкобуржуазных частнособственнических отношений с помощью контрактации продукции индивидуальных хозяйств через сеть кооперативных обществ в региональном и государственном масштабе. Следует, однако, учитывать, что кооперирование парцелльно-общинного крестьянства может в известной мере опираться и на традиции общественного использования некоторых угодий, на слабое развитие частнособственнических настроений у большинства общинников, а также на традиции взаимопомощи и совместного выполнения определенных видов работ.

Переходя к возможности использования в условиях Океании концепции зависимости форм и методов кооперации от типа общинной структуры (изложенной здесь по необходимости кратко и упрощенно), мы хотели бы прежде всего сделать два замечания.

Во-первых, различие между двумя выделенными типами общинных структур может быть четким лишь в абстрактно-теоретическом плане, тогда как на практике они часто переплетаются. Это не исключает, однако, возможности выявления в каждом конкретном случае преобладающего типа общинной структуры или особенностей комбинации обоих типов [40].

[40] Например, в СССР до начала радикальных аграрных преобразований патриархально-общинные структуры преобладали у малых народов Севера и Дальнего Востока, а структуры второго типа — в Средней Азии и Казахстане (И. Л. Андреев, Общинные структуры и некапиталистический путь развития, стр. 44—65).

Во-вторых, следует учитывать значительную специфику социально-экономических форм в Океании, объясняемую уникальностью исторического развития и природной среды этого «островного мира». Под напластованиями местных особенностей подчас нелегко обнаружить действие общемировых, общесоциологических закономерностей. Это относится, в частности, к процессу развития здесь парцелльно-общинных отношений.

Если в Европе процесс парцеллизации крестьянства был связан с парцеллизацией земли, особенно пахотной, обрабатываемой, то в Океании, для которой в целом все еще характерна групповая собственность на землю, этот процесс проявляется прежде всего в становлении частной собственности на кокосовые пальмы и другие деревья, плоды которых идут на экспорт. Старинный обычай, согласно которому индивиды или малые семьи владели (с некоторыми ограничениями) деревьями, посаженными ими на землях своей или даже другой родственной группы, приобрел в условиях развития товарно-денежных отношений новое социальное содержание. Во многих случаях он стал предлогом для фактической узурпации значительных участков общинных земель отдельными индивидами (нередко вождями или «большими людьми»), что ведет к разрушению местных патриархально-общинных структур, к развитию имущественного и социального неравенства [41].

Во многом сходные тенденции наблюдаются в современной Тропической Африке. Здесь отмечено даже существование на общинных землях таких «владельцев деревьев и кустарников», которые не только не являются общинниками, но и вообще сельскими жителями. «К предприимчивым крестьянам, ставшим владельцами плантаций на «свободных землях»,— пишет в связи с этим Л. Д. Яблочков,— присоединяются городские торговцы, ростовщики и даже чиновники, которые скупают земли в обход общинных обычаев под видом закупки плодоносящих кустов и деревьев» [42]. Такова более высокая ступень развития «пальмовой парцеллизации», четко наметившейся в Океании.

Не имея возможность дать в статье обзор традиционных общинных структур и возможных путей их использования по всей Океании, возьмем в качестве примера крупнейшую страну этого региона — Папуа Новую Гвинею.

В большинстве районов Папуа Новой Гвинеи пока еще господствуют патриархально-общинные структуры, хотя тенденция их сдвига в сторону парцеллизации и наличие фрагментов структур второго типа фиксируются достаточно отчетливо. О преобладании здесь патриархально-общинных структур свидетельствуют — наряду с сохранением общинных и других групповых форм собственности на землю — все еще сильное «предпочтение к совместной работе и групповым трудовым усилиям» [43], а также преимущественно потребительский характер сельского хозяйства. Посетив в 1971 г. деревню Бонгу (бухта Астролябия), где столетие назад проводил исследования великий русский ученый Н. Н. Миклухо-Маклай, один из авторов этой статьи [44] обнаружил, что здесь сохранились иерархия групповых прав на землю и многие традиционные формы совместного труда, что обычаи коллективизма пронизывают различные стороны жизни обитателей этой деревни. Ознакомление с экономикой бонгуанцев выявило также большие адаптационные возможности патриархально-общинных структур в условиях проникновения товарно-денежных отношений.

---

[41] R. G. Crocombe (ed.), Указ. раб., стр. 2, 322, 384.

[42] Л. Д. Яблочков, Принципы внешней политики африканских государств, М., 1974, стр. 33.

[43] Th. G. Harding, Land tenure, «Encyclopaedia of Papua and New Guinea», vol. 2, Melbourne, 1972, p. 608.

[44] Д. Д. Тумаркин, Хозяйство папуасов бонгу, в кн.: «На Берегу Маклая (Этнографические очерки)», М., 1975.

«Производственные бригады (teams) того или иного вида, по-видимому, распространены повсеместно...» — пишет Т. Г. Хардинг о сегодняшнем потребительском земледелии народов Папуа Новой Гвинеи[45]. Поэтому нам представляется перспективным создание здесь (как и в других районах с преобладанием патриархально-общинных структур) простейших производственных объединений, использующих традиционные формы собственности и организации труда, в качестве начальной, иногда зародышевой формы современной производственной кооперации. Примечательно, что такого рода корпоративные группы и организации коренных жителей, называемые иногда «неформальными кооперативами», стихийно возникают в разных частях Папуа Новой Гвинеи, причем некоторые из них самостоятельно делают шаги в сторону более сложных и во многом уже нетрадиционных форм организации труда и распределения доходов, успешно используют довольно сложную сельскохозяйственную технику[46]. Разумеется, «неформальные кооперативы» нуждаются в поддержке и всесторонней помощи со стороны властей, особенно для превращения в более сложные и современные формы кооперативных объединений.

В условиях Папуа Новой Гвинеи перспективно, на наш взгляд, и создание производственных кооперативов в рамках переселенческих программ, особенно на базе плантаций, ранее принадлежавших европейцам. Десятилетний опыт одного из таких кооперативов, кокосовой плантации М'буке, продемонстрировал экономические и социальные преимущества этой формы ведения сельского хозяйства по сравнению с традиционным потребительским земледелием и многими программами, основанными на предоставлении переселенцам индивидуальных наделов[47]. Подчеркивая важность и актуальность этого опыта, А. М. Макгрегор ссылался на политические и экономические факторы, делающие «весьма вероятным, что к папуасам и новогвинейцам перейдут плантации иностранцев»[48]. Закон о покупке земель, принятый Палатой Ассамблеи в августе 1974 г., и последовавшие за ним официальные комментарии, по-видимому, свидетельствуют о том, что правительство Папуа Новой Гвинеи намерено стимулировать этот процесс[49]. Следует, однако, учесть, что стратегия создания производственных кооперативов на базе существующих крупных плантаций требует подготовки необходимых национальных кадров кооператоров и сельскохозяйственных специалистов и что по крайней мере часть членов этих кооперативов должна первоначально состоять из бывших плантационных рабочих, имеющих навыки работы на таких сельскохозяйственных предприятиях.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что преимущества кооперирования могут в полной мере проявиться лишь тогда, когда прогрессивные аграрные преобразования будут дополнены широкими демократическими реформами в других областях жизни океанийских стран. В современных условиях полностью сохраняет свое значение сформулированный В. И. Лениным методологический принцип связи

[45] Th. G. Harding, Указ. раб., стр. 609.

[46] R. G. Crocombe, G. R. Hogbin, The Erap mechanical farming project, Canberra, 1963; M. Reay, But whose estates?, «New Guinea», vol. 4, № 3, 1969, p. 69; Th. G. Harding, Указ. раб., стр. 610; A. M. McGregor, Langandrowa and M'buke corporate indigenous plantations, Canberra, 1971, p. 1—20; B. Standish, The Highlands, «New Guinea», vol. 8, № 3, 1973, p. 22; E. K. Fisk, Указ. раб., стр. 57, 58.

[47] R. G. Crocombe, The M'buke co-operative plantation, Canberra, 1965; A. M. McGregor, Указ. раб., стр. 21—47.

[48] A. M. McGregor, Указ. раб., стр. XIII.

[49] В связи с принятием закона о покупке земель премьер-министр М. Сомаре заявил, что «правительство стремится к постепенному переходу плантаций, принадлежащих иностранцам, в руки новогвинейцев с целью разрешения проблемы нехватки земли и создания подлинно папуасско-новогвинейской плантационной экономики» («Pacific Islands Monthly», October, 1974, p. 92).

характера кооперации с социальной сущностью общественного строя, в условиях которого она складывается и развивается. Лишь в условиях прогрессивного политического курса национально-демократического государства кооперативное движение может стать, используя слова В. И. Ленина, формой «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*»[50].

Судьбы коллективистских институтов и традиций общины также связаны с выбором социальной ориентации. В последние годы оживленно дебатируется проблема применимости в Папуа Новой Гвинее опыта аграрных реформ в Танзании и Кении[51]. Нам представляется, что эта полемика по существу содержит спор не столько об однотипных равновозможных моделях, сколько о противоположных принципах и общей направленности процесса развития, что за этими двумя примерами стоит основная социально-экономическая альтернатива отношения к общинным институтам. В конечном счете эта альтернатива реализуется как выбор социалистической либо капиталистической ориентации развития бывших колоний и зависимых стран.

В настоящее время в Папуа Новой Гвинее преобладают снабженческо-сбытовые формы кооперации. Такие формы кооперативного движения сами по себе не оказывают глубокого влияния на долгосрочные перспективы социально-экономического развития страны. Австралийские руководители и консультанты этого движения исходили из того, что кооперативы в Папуа Новой Гвинее должны стать частью «системы свободного предпринимательства»[52]. Известно, что кооперативные общества послужили своего рода учебным полем для многих будущих мелких предпринимателей — папуасов и меланезийцев[53]. Но социальная роль кооперативного движения может существенно измениться, если при благоприятных условиях и на основе полной добровольности начнется постепенный переход от снабженческо-сбытовых форм кооперации к ее более высокой форме — производственным кооперативам. И в этом отношении опыт кооперативной плантации М'буке представляет значительный интерес, ибо указанный кооператив «до приобретения плантации успешно функционировал в течение шести лет в сфере розничной торговли и сбыта продукции»[54]. Вместе с двумя рассмотренными выше формами производственной кооперации постепенное преобразование снабженческо-сбытовых кооперативов в производственные может создать важные предпосылки для вступления Папуа Новой Гвинеи на некапиталистический путь развития. Этому способствовало бы, на наш взгляд, и создание сети государственных ферм, ибо они, как свидетельствует исторический опыт, могут при правильной организации дела стать не только крупным источником увеличения сельскохозяйственной продукции, но также витриной передовой технологии и проводником новых социальных отношений в деревне.

*
* *

Прогрессирующий распад традиционных общинных структур ставит перед народами Океании задачу выбора путей дальнейшего развития, методов преодоления социально-экономической отсталости. Впереди

---

[50] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.

[51] «Land tenure and economic development: problems and policies in Papua New Guinea and Kenya», Canberra, 1971; A. D. Ward, Agrarian revolution. Handle with care, «New Guinea», vol. 6, № 4, 1972; H. Schutte, Tanzania. A model for Papua New Guinea?, «New Guinea», vol. 7, № 1, 1972.

[52] W. Kidston, Planning for co-operative progress, «Australian External Territories», vol. 9, № 1, 1969, p. 8.

[53] P. Matane, Indigenous business development in Papua New Guinea, «Australian External Territories», vol. 12, № 1, 1972.

[54] R. G. Crocombe, The M'buke co-operative plantation, p. 39.

их ждут немалые трудности. Думается, что судьба прежде вымирающих, неграмотных и угнетенных народов Севера и некоторых других окраин бывшей царской России, которые при жизни одного-двух поколений совершили грандиозный скачок от примитивной техники и социальной архаики к самым современным формам производства и социальной организации, к лучшим достижениям мировой культуры, может служить для островитян Океании источником исторического оптимизма.

COMMUNAL STRUCTURES AND PROBLEMS OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE PACIFIC ISLANDS PEOPLES

Traditional communal structures are still prominent in the life of Pacific Islanders. However, under the impact of market economy and other aspects of Westernization these structures are gradually degenerating and disintegrating. Subsequent evolution in Pacific rural life may take one of two courses: that of the development of private farming or that of applying collective methods of agriculture, particularly co-operation. The authors regard the second course as preferable. If the strategy of this course of development will take due account of the traditional communal structures and utilize them, and if at the same time it will be accompanied by wide-scale democratic reforms in other spheres of life, it will be able to considerably raise agricultural productivity in the Pacific Islands, and this will be done in those social forms most favourable to the bulk of the present-day community members. The authors examine certain theoretical problems of agricultural co-operation in developing countries. Particular stress is laid upon the possibility of utilizing in these countries the historical experience of the co-operative movement in outlying national regions of the USSR, whose peoples, at the time fundamental agrarian reforms were initiated, had occupied similar levels of socio-economic development and even possessed comparable communal structures.